

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 24.2.411.05,
СОЗДАННОГО НА БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ, ПО ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА НАУК

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 18 сентября 2023 № 25

О присуждении Леонтьевой Ксении Ивановне, гражданке Российской Федерации, ученой степени доктора филологических наук.

Диссертация «Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX-XX веков)» по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика принята к защите 13 марта 2023 г. (протокол № 10) диссертационным советом 24.2.411.05, созданным на базе ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33, работающим согласно приказу № 114/нк от 06.02.2023.

Соискатель Леонтьева Ксения Ивановна, 1986 года рождения, в 2008 году окончила факультет международного туризма и иностранных языков НОУ ВПО «Смоленский гуманитарный университет» по специальности «Перевод и переводоведение» с присвоением квалификации «Лингвист-переводчик». В период с 10 ноября 2011 года по 31 октября 2012 года была прикреплена соискателем к кафедре теории языка и перевода ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». 27 мая 2013 года в диссертационном совете Д 212.263.03 при Тверском государственном

университете защитила кандидатскую диссертацию на тему «Универсалии поэтического (стихотворного) перевода (на материале русских переводов из англоязычной поэзии XX века)» по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

В период с 25 декабря 2021 года по 25 января 2022 года К.И. Леонтьева была прикреплена стажером к кафедре теории языка, перевода и французской филологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» для завершения работы над диссертацией «Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX-XX веков)» на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальностям 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, и обсуждения результатов диссертационного исследования на заседании кафедры.

В период подготовки диссертации Леонтьева К.И. работала:

– с 01 июня 2009 года по 20 сентября 2013 года на кафедре гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Филиала НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права» в Смоленской области в должностях преподавателя, старшего преподавателя и доцента;

– с 01 июня 2015 года по 31 декабря 2017 года и с 14 мая 2018 года по 31 декабря 2020 года в должности старшего научного сотрудника Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований при ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина».

Диссертация на тему «Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX-XX веков)» выполнена на кафедре теории языка, перевода и французской филологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет».

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» Миловидов Виктор Александрович (специальность защищенной диссертации: 10.01.08 – теория литературы, текстология).

Официальные оппоненты:

Миронова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»; (специальность защищенной диссертации: 10.02.19 – теория языка);

Огнева Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков факультета иностранных языков ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; (специальность защищенной диссертации: 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание);

Поликарпов Александр Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»; (специальность защищенной диссертации: 10.02.04 – германские языки)

дали положительные отзывы о диссертации.

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» в своем положительном отзыве, подготовленном доктором филологических наук, профессором, профессором кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» Пищальниковой Верой Анатольевной, рассмотренном и утвержденном на заседании кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» 25 апреля 2023 года

(протокол №10), указала, что диссертация К.И. Леонтьевой посвящена решению сложной и актуальной проблемы выявления специфических характеристик переводческого процесса и содержит аргументированное решение задачи создания когнитивно-семиотической модели переводческой деятельности.

В отзыве указано, что диссертация К.И. Леонтьевой отвечает всем необходимым требованиям и соответствует критериям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Основное содержание диссертации К.И. Леонтьевой отражено с достаточной полнотой в 88 публикациях автора (общим объемом 73,21 п.л.), в число которых входят 37 публикаций в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ (общим объемом 24,2 п.л.). К числу наиболее значимых работ по теме диссертации относятся следующие:

1. Леонтьева К.И. Когнитивное моделирование перевода: Основы антропоцентрического подхода: монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. 248 с.

2. Леонтьева К.И. Когнитивное моделирование художественного перевода: доминанты, перспектива, интерпретация: монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2020. 252 с.

3. Леонтьева К.И. Антропоцентрическое моделирование (художественного) перевода: взгляд с позиции когнитивной семиотики // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 28: Антропоцентрический характер языка: коллективная монография / гл. ред. Н.Н. Болдырев; отв. ред. вып. С.Г. Виноградова. С. 377–409.

4. Леонтьева К.И. Когнитивные основания вариативности перевода: доминантный принцип и механизм перспективации // Когнитивные

исследования языка. 2020. № 4 (43): Когнитивные доминанты языкового сознания: коллективная монография / гл. ред. Н.Н. Болдырев; отв. ред. вып. С.Г. Виноградова. Тамбов: Принт-Сервис. С. 327–353.

5. Леонтьева К.И. Семиотика текста vs. семиотика дискурса: к поиску адекватного эпистемологического основания теории художественного перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 75–80.

6. Леонтьева К.И. Гендерные характеристики переводчика и их интерпретирующая роль в теории и практике художественного перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 55–62.

7. Леонтьева К.И. Антропоцентрические координаты феномена перевода: субъектный принцип, интерпретация и «живое» знание // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 41–50.

8. Леонтьева К.И. Дискурсивная онтология, субъектный принцип, перспективация: интегративный анализ переводческой деятельности с антропоцентрических социокогнитивных позиций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 69–79.

9. Леонтьева К.И. Доминантный принцип перевода и механизмы его реализации в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 37–46.

10. Леонтьева К.И. Гендер как доминанта актуализации и (ре)фрейминга перспективы в художественном переводе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 32–42.

11. Леонтьева К.И. Субъектный принцип и проблема «видимости» переводчика: что текст переводчику, кто переводчик тексту? // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 25. С. 724–731.

12. Леонтьева К.И. Актуальные проблемы изучения языковой личности переводчика с позиции когнитивного подхода // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 84–90.

13. Леонтьева К.И. Когнитивные основания (ре)концептуализации, (ре)категоризации и (ре)перспективации при переводе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 35. С. 143–151.

14. Леонтьева К.И. О когнитивных основаниях вариативности перевода: механизм перспективации и когнитивные доминанты // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С. 952–957.

15. Леонтьева К.И. Когнитивные доминанты и социокультурная перспектива в художественном переводе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 4 (63). С. 199–210.

16. Леонтьева К.И. Перспектива в художественном переводе: когнитивно-эстетический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 2 (65). С. 197–206.

17. Леонтьева К.И. Перспектива в художественном переводе: когниция, эстетика, этика // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 3 (42). С. 263–268.

18. Леонтьева К.И. Эстетические доминанты стратегии художественного перевода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 4 (67). С. 190–200.

19. Леонтьева К.И. Гендерный рефрейминг в художественном переводе // Вестник Московского государственного университета. Серия 22: Теория перевода. 2021. № 4. С. 94–107.

Недостовверные сведения об опубликованных соискателем ученой степени работах в диссертации отсутствуют.

На диссертацию поступили следующие отзывы.

Отзыв ведущей организации – ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет». Отзыв положительный, вопросы и замечания касаются следующего.

1. Применение в рамках новой концепции большинства используемых в работе научных понятий требует их методологической обработки в

соответствии с заявленной моделью переводческой деятельности, однако в диссертации отмечается только, что «дискурсивные процессы и механизмы как механизмы языковой когниции» просто «не противопоставляются» когнитивным процессам и механизмам, а определения упомянутых выше языка, текста, дискурса осуществляются в традиционной парадигме системоцентризма. Адаптировались ли используемые термины к вновь создаваемой концепции и если да, то как? Вне такой адаптации системность концептуального аппарата представляется проблематичной.

2. Из первого замечания вытекает второе. В тексте работы используется огромное количество терминов, не всегда согласованных между собой, терминов разных лингвистических и иных парадигм, хотя соискатель и предпринимает некоторые попытки установления специфических связей используемых терминов в рамках предлагаемой концепции. Поэтому логичной представляется экспериментальная аргументация «действенности» этих интерпретативных понятий. В противном случае они привлекательно выглядят в рамках модели, но легко теряют свою системность в применении модели к конкретному анализу переводческой деятельности. Декларированная модель выглядела бы более аргументированной, если бы прошла экспериментальную верификацию. Почему автор отказывается от нее?

3. Соглашаясь с теоретической возможностью «синергетического» взаимодействия «языковых единиц и семиотических кодов», «когнитивных структур различных модальностей, кодов и форматов», различных уровней, контекстуальных измерений и семиотических кодов сознания и дискурсивной деятельности (языковой когниции) переводчика, ведущая организация считает необходимым более детальный анализ текстов переводов, не ограниченный иллюстрациями отдельных теоретических положений соискателя.

4. Что в работе понимается под термином «механизм»? Этот вопрос вызван употреблением термина в далеко не единообразном значении, а в

условиях, когда решается задача обоснования интегративной модели определенного типа деятельности, этот термин становится ключевым.

5. В работе не представлены операции установления характера «взаимосвязи и взаимодействия различных семиотических кодов, процессов, уровней и контекстов его сознания и дискурса», да и едва ли это можно сделать в рамках одной диссертации. Такая работа требует тщательнейшего экспериментального обоснования; поэтому, возможно, было бы продуктивнее исследовать какой-то один аспект проблемы, чтобы аргументировать объяснительный потенциал заявленной модели.

6. Сама по себе задача «рассмотреть специфику дискурсивной практики перевода как технологии трансфера социокультурного знания и (ре)фрейминга социальной когниции» и выявления «субъект-ориентированных механизмов, форм, моделей и принципов реализации этой функции в дискурсивной деятельности переводчика» могла бы составить предмет исследования не одной докторской диссертации. Чем принципиально объясняется необходимость включения совершенно специфичной «технологической задачи» в работу?

7. Представляется, что попытка одновременно «обосновать этическую максимуму интересубъективности в качестве антропоцентрической нормы перевода», учесть «социокультурную и эстетическую специфику» дискурса, «определить параметры стратегии перевода» возвращает теоретика к принципам буквалистской школы перевода.

8. Соискатель утверждает, что «под действием значимых для переводчика когнитивных доминант и субъектных и контекстуальных координат переводческого (интер)дискурса в процессе конфигурирования художественная структура произведения претерпевает различные формально-смысловые трансформации – формы реперспективации». Как они выделяются? На каких основаниях? Каковы принципы взаимодействия между ними? Какие когнитивные операции закреплены за каждым уровнем и как они образуют единый механизм? И снова актуализируется вопрос:

механизм понимается как модель? как реальные нейрофизиологические процессы?

9. Затрудняет восприятие работы стиль, перегруженный не всегда соотнесенными между собой и четко определенными научными понятиями.

Отзыв официального оппонента доктора филологических наук, профессора Мироновой Надежды Николаевны. Отзыв положительный, содержит следующие вопросы и замечания.

1. Обширный теоретический материал излагается в отдельных разделах первой главы диссертации без ожидаемого критического анализа диссертанта на различные точки зрения, число которых в зарубежном и отечественном переводоведении довольно репрезентативно.

2. Вызывает вопросы использование некоторых терминов, что, впрочем, неудивительно для случаев междисциплинарного взаимодействия. Синергетические исследования, как правило, нуждаются в строгом отборе выбора терминов, чтобы не выходить за пределы предметной области, которая в соответствии с целями и задачами исследования вынужденно имеет достаточно открытый характер. Назову конкретные примеры таких случаев.

Вместо привычного термина «антропоцентрический подход» использован термин «эгоцентрический солипсизм», «антропоцентрическая ориентация». Рассматриваются ли эти понятия в диссертации как взаимозаменяемые или между ними есть отличия? Можно ли заменить термин «принцип *контекстности*» (стр. 6 и др.) на термин с иной фонетической формой (*контекстности*)? Насколько каноничны для русской терминосистемы термины, использованные в диссертации: «Субъектный принцип перевода» (стр. 6 и др.), «Субъект-ориентированный ракурс»?

3. Остановлюсь на диахроническом анализе переводческого дискурса разновременных переводов (стр. 424 и далее).

К.И. Леонтьева рассматривает две версии переводов Дж. Селинджера на русский язык (всего известно 4 варианта перевода) – Р. Райт-Ковалевой и М. Немцова – и дает оценки качества перевода (в рамках своей гипотезы)

обоим переводчикам. Так, некоторые фрагменты текста перевода М. Райт-Ковалевой характеризуются формой *пассивного эгоцентризма (не очень качественного перевода фрагмента текста)* и *манипулятивно-конфликтного модуса интерпретации* (стр. 429). И, далее, рассматривая вариант перевода «готовая блузка» (купленная в магазине), диссертант относит его к дискурсивным средствам, актуализирующим *репрессивно-конфликтный модус* (стр. 431). По моему мнению, более уместно вместо этого понятия употребить устоявшийся термин, используемый в переводоведении в курсе истории и критики перевода, «идеологический перевод» (Baumgarten S. *Ideology and Translation*, 2012 и работы др. авторов).

Отзыв официального оппонента доктора филологических наук, профессора Огневой Елены Анатольевны. Отзыв положительный, содержит следующие вопросы и замечания.

1. В диссертационном исследовании Вами доказано, что процесс литературно-художественного перевода в его дискурсивной онтологии реализуется в динамике трех измерений дискурсивной деятельности переводчика. Уточните, пожалуйста, насколько каждое из трех измерений предопределяет параметры перспективации в рассмотренном Вами фактическом материале?

2. В восьмом положении, выносимом на защиту, Вы пишете о том, что инновативность перевода может быть радикальной либо умеренной. Уточните, какие параметры дискурсивной личности переводчиков, чьи работы были исследованы в диссертации, в наибольшей степени влияют на радикальность либо умеренность инновативности перевода?

3. Уточните, пожалуйста, в чем заключается отличие когнитивных операций (ре)перспективации в случае ориентации деятельности переводчика на читателя-адресата и на читателя-реципиента?

4. В диссертационном исследовании Вы рассмотрели переводы произведений художественной литературы XIX-XX веков. Уточните, пожалуйста, насколько отличается функционирование четырех

феноменологических форм актуализации перспективы переводчика в зависимости от продолжительности времени, разделяющего момент написания художественного произведения и момент его перевода?

Отзыв официального оппонента доктора филологических наук, профессора Поликарпова Александра Михайловича. Отзыв положительный, содержит следующие вопросы и замечания.

1. В первой главе автор упоминает так называемые переводы-адаптации, которые многие ученые считают «переводческими неудачами». Хотелось бы знать, каким образом когнитивно-семиотическая модель перевода объясняет появление подобных переводов? Можно ли в этом случае говорить о своего рода «социальном заказе»?

2. В той же главе К.И. Леонтьева приводит несколько ригидных презумпций переводоведения, соотносимых с концептуальной метафорой «Перевод – это трансфер», при этом утверждая, что более адекватной является концептуальная метафора «Коммуникация – это танец» («Перевод – это игра») (С. 95). В соответствии с этой метафорой выделяется субъектный принцип перевода, согласно которому «дискурсивное знание, конструируемое переводчиком в процессе взаимодействия с текстом и миром произведения, является продуктом операциональной автономии когнитивной системы переводчика, продуктом активности его сознания и личности, что не позволяет говорить о возможности передачи авторских смыслов и/или смысла текста» (С.96). Каким образом указанное выше утверждение о невозможности передачи авторских смыслов согласуется с традиционным требованием реализации в переводе художественной концепции автора оригинала, с требованием верности автору (*loyalty*), а также с требованиями переводческой этики? Или это тоже относится к устаревшим презумпциям традиционного переводоведения? И не вступает ли приведенное выше мнение автора в противоречие с утверждением о том, что переводчик выступает в качестве скриптора, который за счет конкретной организации языковых и иных текстовых средств ограничивает и координирует

траекторию интерпретации в отношениях, которые читатель установит с текстом и миром произведения (С. 97)?

3. Одним из наиболее частотных терминов переводоведения в настоящее время является, несомненно, термин «стратегия перевода», неоднократно используемый и на страницах диссертационного исследования К.И. Леонтьевой. Какое содержание вкладывает автор в это понятие? Как определяет стратегию перевода?

4. Может ли автор уточнить, в чем проявляется «живая» природа гипертекста знаний переводчика (С. 224) и что представляют собой «живые» структуры знания?

5. Во второй главе К.И. Леонтьева вскользь упоминает роль иррационального инсайта (творческого озарения) в процессах дискурсивного конфигурирования мира и текста произведения (С. 245-246). Хотелось бы узнать подробнее, в чем заключается указанная роль творческого начала в этих процессах?

6. На стр. 248 автор пишет, что «концептуальная конфигурация не осознается переводчиком в явной форме, а ее структура напрямую зависит от субъективного опыта переводчика и перспективы, с которой симулируются описываемые в тексте события». Возникает вопрос: можно ли в принципе научить человека осуществлять качественный литературно-художественный перевод? И применимо ли тогда к субъект-ориентированной когнитивно-семиотической модели понятие «качество перевода» вообще?

7. Как согласуется постоянно звучащее на страницах диссертации утверждение о субъективности переводческой интерпретации с утверждением, что «переводчик фактически направляет и ограничивает возможные смысловые траектории взаимодействия реципиента перевода с текстом и в идеале не должен навязывать реципиенту свою собственную интерпретацию» (С. 266)?

8. Автор утверждает, что «на практике оказывается сложно объективно отделить смыслы, намеренно вложенные автором в текст и, следовательно,

принадлежащие авторской интенциональности, от субъективных интерпретант, порожденных рецептивной интенцией в рамках «намерения» текста» (С. 281). В связи с этим напрашивается вопрос: что же в результате получает реципиент перевода? Некий конгломерат авторской интенциональности и субъективных интерпретант? Значит, реципиент все же слышит «голос» переводчика и ему не до конца понятно (или вовсе не понятно), что же на самом деле подразумевал автор оригинала?

9. Предполагается ли применение когнитивно-семиотической модели перевода в изучении не только специфики дискурсивного поведения переводчика в рамках осуществления литературно-художественного перевода, но и в прочих видах переводческой деятельности?

10. В выводах по второй главе исследования К.И. Леонтьева утверждает, что предлагаемая ею когнитивно-семиотическая модель раскрывает «когнитивные основания субъективности переводческой интерпретации и “видимости” личности переводчика на всех уровнях художественной структуры произведения» (с.303). Хотелось бы узнать, а кто именно «видит» переводчика – реципиент перевода или исследователь, имеющий возможность сравнить перевод с оригиналом?

Следующие замечания из отзыва оппонента касаются нескольких спорных положений диссертации и приглашают к дискуссии:

1. На стр. 258 К.И. Леонтьева пишет, что к факторам, соотносимым с экспертной профессиональной компетенцией переводчика, относятся «осознанно реализуемые переводчиком стратегии, техники и приемы перевода, осознанные им нормы перевода...». Вполне можно согласиться с тем, что стратегии перевода используются переводчиком осознанно. Но вряд ли подобное можно сказать о техниках и приемах перевода, которые, как показывает практика и опросы самих переводчиков, практически всегда используются автоматически, в результате освоения их до автоматизма, и очень часто переводчики даже не могут назвать те «приемы», которые они якобы осознанно используют. Переводчик решает определенную задачу или

проблему, используя те языковые средства, которые кажутся ему максимально уместными, не задумываясь при этом, какой «прием» он использует.

2. Приведенному на стр. 258 утверждению автора диссертационного исследования противоречит, кстати, следующее ее высказывание: в некоторых случаях «переводчик не в состоянии эксплицировать мотивы своих собственных языковых выборов, текстовых решений и дискурсивных действий» (С. 259). Представляется, что, осознавая наличие определенной проблемы, переводчик как раз осознанно отбирает определенный языковой материал для ее решения, а, следовательно, и может эксплицировать свои переводческие решения. Не так ли это происходит в общении переводчика с редактором перевода?

На автореферат диссертации Леонтьевой Ксении Ивановны поступило 8 отзывов: от доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой языкознания Института иностранных языков ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» Панченко Надежды Николаевны; от доктора филологических наук, доцента, заведующей кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» Виноградовой Светланы Аюповны; от доктора филологических наук, доцента, ведущего научного сотрудника Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина» Виноградовой Светланы Григорьевны; от доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет» Солодиловой Ирины Анатольевна; от доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры английской филологии и лингвокультурологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» Трощенко Екатерины Владимировны; от доктора филологических наук, PhD in English (международная докторская

степень), профессора, заслуженного профессора РГГУ, профессора кафедры теории и практики перевода Института филологии и истории ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Рейнгольд Натальи Игоревны; от доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» Романовой Ирины Викторовны; от доктора филологических наук, доцента, доцента кафедры английской филологии и перевода ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» Федюченко Ларисы Григорьевны.

Все отзывы положительные. В них отмечаются актуальность и новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, обоснованность и достоверность сделанных К.И. Леонтьевой выводов, репрезентативность рассмотренного теоретического и эмпирического материала, логическая структура диссертации и органичная связь полученных К.И. Леонтьевой результатов с целью и задачами исследования.

В отзыве Н.И. Рейнгольд содержатся замечания по спорным моментам.

1. Первое замечание касается терминологического соответствия в русском языке английскому понятию 'visible/invisible translator' и 'translator's visibility/invisibility', введенных в научный оборот американским переводоведом Л. Венути. Предложенное соискательницей соответствие «видимый/невидимый переводчик» (вариант «видимость/невидимость переводчика») не вполне корректно, поскольку слово «видимый» имеет дополнительное значение «кажущийся». По нашему мнению, адекватным соответствием служит единица «заметный/незаметный переводчик» (см. «Указатель терминов» в русском переводе монографии Э. Прунча «Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической». М.: «Р.Валент», 2015. С. 494).

2. Второе замечание – методологическое. В автореферате (возможно, в диссертации это не так) все примеры приведены на фразовом уровне. В результате многократно постулируемый в теории контекст утрачивается в

анализе конкретных вариантов перевода той или иной фразы. Иногда до такой степени, что все или почти все из рассматриваемых вариантов перевода оказываются ошибочными, хотя речь, видимо, идет о контекстуально обусловленных единицах, и наличие более широкого контекста позволило бы установить приемы компенсации, которые использовали переводчики. См. пример на с. 36.

В отзыве Романовой Ирины Викторовны содержится просьба уточнить два момента, не отраженных в автореферате.

1. Автором выделены механизмы социокультурного позиционирования и социокультурного ориентирования. Как они соотносятся?

2. В предложенной типологии форм субъективности в отдельные группы выделены модели социокультурной реперспективации (п. 3) и модальности в интеракциональном измерении дискурса (п. 4). Какого их соотношение?

В отзыве Федюченко Ларисы Григорьевны прозвучали три вопроса:

1. Проходила ли практическую апробацию представленная модель? Если да, то какая аудитория выступала в роли фокус-группы и каковы полученные результаты?

2. В описании Раздела 3.4 на С. 34 автореферата автор указывает пять моделей «трансформации нарративной перспективы», какой метод или методы были использованы в процессе их выделения?

3. Знакома ли автор с концепцией Л.В. Кушниковой о гештальт-синергетическом моделировании континуума переводческого пространства? На наш взгляд, было бы полезным провести сравнительно-сопоставительный анализ ключевых понятий концепции Л.В. Кушниковой (*переводческое пространство, гармоничный перевод, подтекст* и пр.) и описываемых в рецензируемой диссертации понятий: *доминанты, перспектива, дискурс*.

В целом, авторы всех отзывов считают, что диссертация Леонтьевой Ксении Ивановны является законченным научно-исследовательским трудом, отвечает всем требованиям ВАК РФ, а ее автор заслуживает присвоения

ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обоснован широкой известностью их достижений в данной отрасли науки, наличием публикаций в соответствующей сфере исследований и способностью определить научную и практическую ценность диссертации.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

– реализован оригинальный интегративный антропоцентрический подход к исследованию перевода, в рамках которого разработана и обоснована новая когнитивно-семиотическая модель (теория) литературно-художественного перевода, дающая системное представление о когнитивных основаниях вариативности и субъективности переводческой интерпретации произведения;

– обоснованы субъектный принцип, доминантный принцип и принцип контекстности дискурсивной деятельности переводчика, объясняющие природу различных форм когнитивного и дискурсивного варьирования в переводе;

– проверена и доказана оригинальная гипотеза о зависимости характера трансформации художественной структуры произведения в дискурсе и тексте переводчика от индивидуальной специфики его знания, представляемого как «живой» гипертекст, его перспективы и формирующих ее когнитивных доминант;

– описана и проиллюстрирована специфика процессов конфигурирования информации на разных уровнях дискурсивной деятельности переводчика по интерпретации произведения и доказана метакогнитивная роль перспективы и когнитивных доминант в этих процессах;

– выявлена и описана функциональная специфика процессов и форм (ре)перспективации как основы когнитивного варьирования в переводе.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно

– уточняет существующие научные представления о природе деятельности переводчика, внося существенный вклад в развитие теории литературно-художественного перевода и антропоцентрического переводоведения в целом;

– дает системное представление о когнитивных механизмах и принципах дискурсивной деятельности переводчика по интерпретации художественной структуры произведения с учетом взаимодействия различных семиотических кодов, процессов, уровней и контекстов сознания и дискурса переводчика;

– раскрывает функциональные особенности и типовые формы актуализации когнитивных механизмов интерпретации в сфере литературно-художественного перевода с английского языка на русский язык;

– развивает положения когнитивного подхода к исследованию дискурса и углубляет ряд фундаментальных представлений о взаимосвязи индивидуальных и социальных когнитивных процессов, о ведущих механизмах и принципах их актуализации и координации в дискурсе.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что они могут использоваться в переводческой, редакционной и издательской практике; при подготовке переводчиков и других специалистов в сфере межкультурной коммуникации; при проведении научных исследований; при разработке лекционных курсов и спецкурсов по теории и практике перевода, семиотике, когнитивной лингвистике, теории дискурса, теории межкультурной коммуникации, теории речевого воздействия и манипулирования. Предложенная в исследовании методика анализа и ретрансляции нарративной перспективы может способствовать повышению качества перевода.

Достоверность полученных результатов обеспечена доказательной теоретической базой исследования (опора на положения ведущих отечественных и зарубежных теорий перевода и теорий языка, на экспериментальные данные о природе сознания и языка человека,

полученные в области нейролингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, теории дискурса), системностью применяемого подхода, основанного на единых теоретико-методологических принципах исследования, и репрезентативностью эмпирической базы исследования (проведен анализ более 400 оригинальных текстов и 700 русских переводов, опубликованных в различных источниках).

Личный вклад соискателя заключается в:

- проведении критического анализа положений современной теории перевода, теории дискурса, когнитивной семиотики, когнитивной лингвистики и психолингвистики и обобщении релевантных для переводоведения научных представлений и экспериментальных данных о дискурсе, сознании и языковой когниции человека (переводчика);

- разработке интегративной когнитивно-семиотической модели (теории) литературно-художественного перевода и принципиальном переносе фокуса анализа с языковых, литературных, социокультурных, идеологических, гендерных и эстетических проблем перевода на параметры «живых» семиотических структур сознания и личности переводчика,

- разработке многоаспектной типологии основных семиотических форм проявления субъективности (вариативности) в переводе;

- параметризации методики анализа и ретрансляции нарративной перспективы при переводе произведений художественной литературы;

- проведении сравнительно-сопоставительного анализа объемного корпуса параллельных текстов, выделении ведущих форм и доминант реперспективации при переводе художественной литературы с английского языка на русский язык и их систематизации в форме комплексной типологии.

Диссертационный совет пришел к выводу о том, что диссертация Леонтьевой Ксении Ивановны «Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX-XX веков)» представляет собой научную квалификационную работу, в которой решена научная проблема,

имеющая важное значение для теории перевода, сравнительно-сопоставительного языкознания, когнитивной лингвистики.

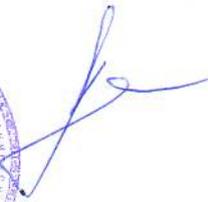
Диссертация соответствует критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

На заседании 18 сентября 2023 г. диссертационный совет принял решение присудить Леонтьевой Ксении Ивановне ученую степень доктора филологических наук.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 11 человек, из них 4 доктора наук по профилю защищаемой диссертации (по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика), участвовавших в заседании, из 15 человек, входящих в состав совета, дополнительно введены на разовую защиту 0 человек, проголосовали: за – 10, против – 1, недействительных бюллетеней – нет.

Председатель заседания,
заместитель председателя
диссертационного совета 24.2.411.05

В.В. Волков

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.411.05

П.Е. Карташова

18 сентября 2023 г.